

ТРИ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

Иллюстрации предоставлены автором

Юлия Демченко

Заведующая Еманжелинской павленковской библиотекой Еткульского муниципального района Челябинской области. Окончила Челябинский пединститут, академию культуры и искусств (ЧГАКИ), заочно учится в аспирантуре. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари, прошла областная школа на тему «От краеведения к краеведению», а также презентация подготовленной Ю. Демченко энциклопедии села Еманжелинки.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Еманжелинка, Еманжелинск, станция Еманжелинская... В сорока километрах от Челябинска названия населенных пунктов не отличаются разнообразием, в конце запутывая приезжих и некоторых местных жителей. Этим именем когда-то «поделилась» казачья станица, которая старше и города, и железнодорожного поселка. Впрочем, она дала «крестникам» не только имя...

В 1773 году, вскоре после основания Еманжелинки, здесь поставили деревянную церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. Однако деревянное здание сгорело. В конце 30-х годов XIX века возвели первую каменную церковь. Ее метрические книги сохранились с 1840 года. Через некоторое время она стала мала для казаков, и храм решили капитально обновить и расширить.

Возводили его на средства самих жителей. Все православные жертвовали деньги. Был и один очень своеобразный взнос: с каждого двора собирали определенное количество куриных яиц, а по осени, когда кололи скотину, на стройку несли ведра с бычьей кровью. Так, на желтках и крови, замешивали раствор, рассчитывали, что стены простоят века.

Даже к кирпичам отношение было особое: их подносили и поднимали на крепких холстах.

Как бы сказали сейчас, стройка шла по типовому проекту. Старожилы, видевшие храм своими глазами, сравнивают его с церковью в честь Владимирской иконы Божьей матери в Селязине — она и старше нашей на пятьдесят с лишним лет.

Еманжелинцы свой храм сразу полюбили. Его освящение произошло в 1881 году. Церковь было видно с любой точки станицы. Внутрь верующие входили по высокому парадному крыльцу. Над ним сверкал позолотой маленький купол, а над входом помещалась роспись или икона с изображением Богородицы. В центральном помещении расписан был и потолок. Над алтарём традиционно располагался самый большой купол, ещё

один был над звонницей, куда вела крытая галерея. Колокола в Еманжелинке славилась своими громкими голосами. Звук главного колокола, весом в 90 пудов, прекрасно слышали в Батурино, за 7 вёрст от станицы, и в Тимофеевке — в 10 верстах. Таким запомнился храм Клавдии Ивановне Хребтовой и Елизавете Георгиевне Палкиной (Кононовой).

Обе старые женщины в детстве постоянно бывали в церкви. А у Елизаветы Георгиевны с ней связаны особые воспоминания. Ее отец, Георгий Степанович Кононов, всегда был набожным человеком. После ранения на германском фронте в 1914 году он тяжело заболел и уже не мог обрабатывать свой надел. Он стал церковным сторожем, поддерживал порядок в храме и около него, постоянно молился. Елизавета Георгиевна вспо-

минает, как мать по вечерам приводила ее в церковь к отцу, и он показывал дочери изображения святых, рассказывал о их подвигах.

Приблизился к церкви и другой инвалид. Фамилия его забылась, в станице он был известен как Никита Безногий. С какой-то из войн, скорее всего, с русско-японской, он, действительно, вернулся без ног, но не спился, не отчаялся. То ли по обету, то ли по какой другой причине он вызвался красить и подновлять церковные купола. Поднимался на верхотуру без всякой страховки и никогда не принимал помощи. Свою добровольную работу он выполнял до самой смерти, а умер казак вскоре после революции и, к счастью, не увидел, как разрушали его храм.

Сто сорок четыре года, с 1773 по 1917, жила еманжелинская церковь без больших потрясений. Хотя горела, восстанавливалась, перестраивалась, но всегда оставалась духовным центром станицы. Были прихожане и у староверческих часовен. Две самые значимые поставили в Еманжелинке и в Таяндах. Сложенные из вековых бревен, окруженные каменными заборами, часовни больше напоминали крепости. Однако и они не выстояли в бурях нового времени.

С установлением советской власти, с началом гонений на религии пошла другая жизнь. Как и по всей стране, в Еманжелинке запрещали встречать Рождество, устраивали шутовские представления на Пасху. И православные, и двоеданские приходы неуклонно редели. Однако истинно верующие все равно собирались в храмах. Конеч

наступил в 1930-м году. Об этом рассказывала Варвара Ивановна Куликова, свидетель почти всех важных событий местной истории. Ее воспоминания записаны и приводятся практически дословно: «В 1930-м я ещё венчалась в ней [в церкви], в 1931-м её сломали летом. Алёша Солдатов вышел тогда из армии. Хороший парень был, умный, крепкий. А тогда кто за коммунистов был, кто за Бога, кто куда. И вот он выискался: «Я полез крест сбрасывать!» Ну, и полез. Залез на крест, сел верхом. А крест большущий был, с полу-то маленький казался. А там... И запел:

*Бога нет, царя не надо,
В алтаре пона убьём.
Провались земля и небо —
Мы на кочках проживём!*

Ну, и с кочки-то шабаркнулся. А вот не убился, а дураком сделался вот. С год в больнице лежал, а остался дураком. Так дураком ходил. Соберёт ребятёшек маленьких, лет по 8 по 10. Марширует. Он начальник, командует ими».

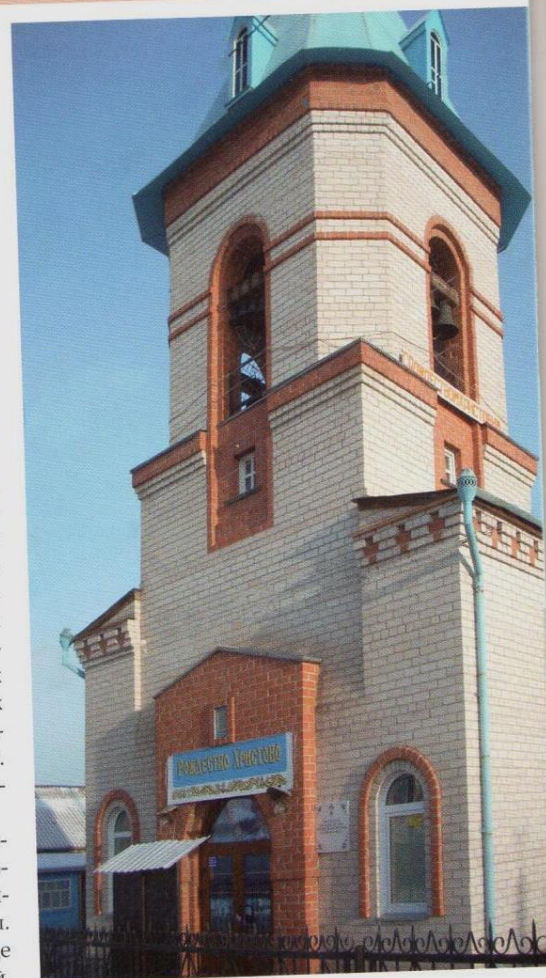
Судьба Алёши Солдатова большевиков не остановила. Окончательно церковь разобрали в 1933-м. Кирпич вывезли на Еманжелинские копи. Он пошёл на строительство хлебозавода и, возможно, школы № 1. Иконы разобрали по домам. Несколько лет спустя, в 1948 году, изображения святых пере-

дали молельному дому на тех же копиях (теперь это город Еманжелинск). До сих пор часть из них сохраняется во Введенском храме города, а Еманжелинск по праву считается крестником села, получившим от казачьей станицы имя и благословление.

Староверческие часовни тоже разобрали. Брёвна отправили на копи, чтобы делать крепь в шахтах, а из каменных оград в войну выложили фундамент механического завода у станции Еманжелинской (сейчас завод относится к Зауральску). Так что главное предприятие в соседнем поселке стоит на староверческих камнях.

От староверов остались кладбища, которые раньше «охранялись» часовнями, и скит в пещерах за Коелгой. Скит славился монахинями-златошвейками и начетчицами. Там по-прежнему совершались службы. Атеистическая власть терпеть такого не могла, и монахинь разогнали. Кладбище в Таяндах вынудили забросить, хотя там до сих пор находят вросшие в землю надгробия с древнеславянскими надписями. А с захоронениями в Еманжелинке расправились кардинально.

В 1934 году на месте кладбища стали строить МТС (машинно-тракторную станцию). Из земли выворачивали долбленые домовины. Родственники плакали: тогда еще немало было коренных жителей,

и здесь хоронили из поколения в поколение. По совпадению или намеренно въезд на территорию станции устроили там, где были кладбищенские ворота, а на развалинах часовни кто-то посадил тополь.

Со временем МТС сменила «Сельхозтехника», потом — машиностроительный завод, саженец вырос в огромное дерево и был спилен, но и сегодня краеведческие экскурсии обязательно проходят мимо производственных корпусов, возведенных на костях — в буквальном смысле слова.

А у сельской церкви в 1997 году началась третья жизнь. Тогда на общем сходе атаман еманжелинских казаков, Анатолий Георгиевич Щербakov, предложил возродить храм, и жители его поддержали. Строительство шло долго и трудно. Только в 2003 году здание освятили, а сбор средств на возведение звонницы и установку колоколов продолжается по сей день. Но церковь действует, привлекает прихожан, и надо надеяться, век ее будет долг, ведь по старым понятиям не может поселение зваться ни городом, ни селом, если нет в нем храма. **У**

